

**МЕДИЦИНА КАК КУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА?
(Предисловие к материалам коллоквиума
«Социальные исследования медицины в постсоветской России»)**

Анна Александровна Клепикова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
aklepikova@eu.spb.ru

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я: Статья предвзывает подборку публикаций в области медицинской антропологии и кратко обрисовывает контекст, в котором существуют социальные исследования медицины в современной России. В западной науке медицинская антропология является устоявшейся субдисциплиной с длительной историей и сложившимся кругом обсуждаемых проблем. Однако для России это сравнительно молодая область, что отчасти связано со спецификой советской этнографии и позитивистской программой советской науки в целом, а также с идеологической направленностью советской социальной политики.

В постиндустриальных обществах биомедицина, будучи встроена в государственную социальную политику, является ведущей рамкой для интерпретации вопросов здоровья и болезни, однако при этом биомедицина существует в сложном симбиозе с другими медицинскими практиками. Взаимодействие и взаимопроникновение биомедицины и этномедицины / альтернативных медицинских практик, с некоторыми особенностями, характерны и для постсоветских обществ. Статьи тематической подборки, обсуждающие медицинско-антропологические аспекты инвалидности, родовспоможения и современного родительства, могут выступать иллюстрацией этого утверждения. Представленные работы демонстрируют, что медицина функционирует как один из культурных языков и одна из культурных систем и изучение того, как медицинское знание работает в обществе, служит способом проникнуть в социальную логику в тот или иной исторический период.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медицинская антропология, социальные исследования медицины, биомедицина, этномедицина, альтернативная медицина, постсоветская Россия, медицинские системы.

Д л я с с ы л о к: Клепикова А., Пироговская М. Медицина как культурная система? (Предисловие к материалам коллоквиума «Социальные исследования медицины в постсоветской России») // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 113–122.

d o i: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-113-122

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/klepikova_pirogovskaya.pdf

**MEDICINE AS A CULTURAL SYSTEM?
(Introduction to the Collection of Papers Presented
at the Colloquium “Social Studies of Medicine in Post-Soviet Russia”)**

Anna Klepikova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
aklepikova@eu.spb.ru

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

Abstract: The introduction opens the thematic collection of papers on medicine and society in post-Soviet Russia and traces Russian situation of social studies of medicine. While Western medical anthropology is an established field of scholarship with a long history and an array of “classical” problems, in Russia it remains a comparatively new discipline, which could be explained by the positivist orientation of Soviet ethnography and the ideological basis of Soviet social policy.

Being embedded in state health management, it is biomedicine that serves the main framework for interpretation of problems of health and illness in post-industrial societies. However, it coexists, sometimes symbiotically, with other medical systems and practices. Post-Soviet situation is no exclusion: scholars stress intricate interaction and diffusion of biomedicine, ethnomedicine and CAM (complementary and alternative medicine) in post-Soviet countries. The present collection can vividly illustrate this argument through analysis of disability, reproduction and parenting. It manifests once

and again how medicine works as another cultural system or another cultural language of society; we can hope to pierce the social logic of some historical period by exploring it.

Keywords: medical anthropology, social studies of medicine, biomedicine, ethnomedicine, CAM, post-Soviet studies, Russian studies, medical systems.

To cite: Klepikova A., Pirogovskaya M., 'Meditsina kak kulturnaya sistema? (Predislovie k materialam kollokviuma "Sotsialnye issledovaniya meditsiny v postsovetskoj Rossii")' [Medicine as a Cultural System? (Introduction to the Collection of Papers Presented at the Colloquium "Social Studies of Medicine in Post-Soviet Russia")], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 37, pp. 113–122.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-113-122

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/klpikova_pirogovskaya.pdf

Анна Клепикова, Мария Пироговская

Медицина как культурная система? (Предисловие к материалам коллоквиума «Социальные исследования медицины в постсоветской России»)

Статья предваряет подборку публикаций в области медицинской антропологии и кратко обрисовывает контекст, в котором существуют социальные исследования медицины в современной России. В западной науке медицинская антропология является устоявшейся субдисциплиной с длительной историей и сложившимся кругом обсуждаемых проблем. Однако для России это сравнительно молодая область, что отчасти связано со спецификой советской этнографии и позитивистской программой советской науки в целом, а также с идеологической направленностью советской социальной политики.

В постиндустриальных обществах биомедицина, будучи встроена в государственную социальную политику, является ведущей рамкой для интерпретации вопросов здоровья и болезни, однако при этом биомедицина существует в сложном симбиозе с другими медицинскими практиками. Взаимодействие и взаимопроникновение биомедицины и этномедицины / альтернативных медицинских практик, с некоторыми особенностями, характерны и для постсоветских обществ. Статьи тематической подборки, обсуждающие медицинско-антропологические аспекты инвалидности, родовспоможения и современного родительства, могут выступать иллюстрацией этого утверждения. Представленные работы демонстрируют, что медицина функционирует как один из культурных языков и одна из культурных систем и изучение того, как медицинское знание работает в обществе, служит способом проникнуть в социальную логику в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: медицинская антропология, социальные исследования медицины, биомедицина, этномедицина, альтернативная медицина, постсоветская Россия, медицинские системы.

В западных социальных исследованиях медицины существует ряд классических — устоявшихся и широко обсуждаемых — проблем и вопросов, многие из которых возникли на пересечении различных социальных и гуманитарных дисциплин и благодаря их интенсивному взаимодействию. Круг изучаемых тем достаточно стабилен и потому может задавать для исследователя теоретические рамки и перспективы работы с локальным материалом. Однако наряду с этой центристской тенденцией существует и центробежная: новые данные и новые материалы не только способствуют постановке новых теоретических вопросов, но и создают почву для практического, прикладного использования научного знания в меняющихся обстоятельствах, например для реформирования систем и институтов медицинского обеспечения, изменения

Анна Александровна Клепикова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия
aklepikova@eu.spb.ru

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

социальной политики¹. Именно поэтому социальное изучение здоровья и болезни, будучи синтетической областью, вынуждено постоянно балансировать между интересами официальной медицины, медицинской профессии и того или иного общества, с одной стороны, и собственно интересами социальных наук — с другой [Roney 1959]. Однако, по замечанию американского медицинского антрополога Артура Клейнмана, этот конфликт неизбежен, поскольку имманентен самой дисциплине (или дисциплинам) [Kleinman 1978: 85].

Медицинская антропология бурно развивалась на Западе с 1950-х гг. (как направление она возникла намного раньше благодаря интересу классической этнографии к медицине и интересу физической антропологии к эволюции человеческого тела) наряду с социальной историей медицины, также многим обязанный более ранним работам в сфере демографии, эпидемиологии, социальной гигиены и т.д. Следует отметить и постоянный контакт между историей и антропологией, который приводил к взаимному обогащению и пересечению дисциплинарных границ. Так, некоторые важные для медицинской антропологии работы были написаны историками (см., например: [Ackerknecht 1942; 1945; 1946; Sigerist 1951]).

В русскоязычном научном пространстве социальные исследования медицины представляют собой достаточно молодое явление: медицинская проблематика стала осмысляться в социологическом и антропологическом ключе в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В первую очередь это обстоятельство было связано с еще советской ориентацией на создание прогрессивной картины формирования научного и медицинского знания — картины, в которую не укладывались основополагающие для *social studies of medicine* представления о релятивности и множественности медицинских систем и практик лечения. Поэтому, например, даже этнографические описания народных медицинских воззрений и способов лечения занимали двусмысленное положение внутри самой советской этнографии. С одной стороны, они были прочно укоренены в научной традиции конца XIX — начала XX в., с другой — предполагали

¹ В этом смысле нынешние социальные исследования медицины в значительной мере поддерживают прикладную повестку, сложившуюся в западной медицинской антропологии после Второй мировой войны, отчасти неожиданно для самих антропологов и с неоднозначными последствиями для дисциплины [Caudill 1953: 778]. С конца 1940-х гг. началось сотрудничество антропологов с крупными здравоохранительными организациями (с 1946 — с ЮНИСЕФ; с 1948 — с ВОЗ; с 1961 — с Агентством США по международному развитию, АМР США), работа которых была нацелена на распространение стандартов профилактической гигиены и биомедицины западного образца [Sobo 2011]. Эти внешние по отношению к антропологии как дисциплине обстоятельства в значительной степени способствовали повышению ценности этнографических данных, но при этом инициировали раскол внутри субдисциплины — между теоретиками и прикладниками, между «антропологией медицины» и «антропологией в медицине» [Foster, Anderson 1978: 9].

(хотя бы в некоторой степени) ценностное принятие тех феноменов, которые советское государство считало предрассудками и пережитками и с которыми боролось с разной степенью интенсивности в разные периоды своего существования. Изучение того, как этномедицина функционирует наряду с «рациональной» профилактической медициной и терапией, было затруднено, изучение социальных аспектов советской биомедицины (например, взаимоотношений врача и пациента) — почти невозможно. Однако в последние два десятилетия Россия и другие постсоветские государства привлекают в том числе медицинских антропологов, которые анализируют функционирование медицинских теорий, институтов и практик в меняющихся обществах и ищут язык описания, который был бы адекватен принципиально гетерогенному объекту.

В ситуации постиндустриальных государств Западной Европы и Америки, где биомедицина встроена в государственные структуры и тесно связана с социальной политикой на микро- и макроуровнях, она существует в сложном симбиозе с другими медицинскими практиками. Эти практики, которые могут быть уделом различных социальных групп и локальных сообществ, с одной стороны, оказываются резистентны к современному научному знанию и порой открыто используются в качестве *pièce de résistance*, опоры при сопротивлении официальной и навязываемой сверху политике, а с другой — включают, усваивают и перерабатывают это знание, вплоть до того, что границы между медициной разного типа, магией и религией оказываются неразличимыми. Хотя биомедицина претендует на высокий экспертный статус и выстраивает свой авторитет на «окончательном знании» о телесном и психическом здоровье человека, разные группы пользуются ею по-своему и мало кто ею ограничивается. Наконец, сама биомедицина неоднородна: программы ее реализации были и остаются не одинаковыми по политическому и этическому содержанию (в качестве примера можно привести медицинскую политику Советского Союза, фашистской Германии, колониальной Великобритании и современных США)¹.

Эти особенности функционирования биомедицины и этномедицины характерны и для постсоветской России, и, с рядом оговорок, для государств, возникших на постсоветском про-

¹ Например, американский советолог Пола Майклс в книге о государственном регулировании медицины в советском Казахстане подчеркивает сходство советской политики в Средней Азии с колониальными программами других империй и указывает на политическое измерение реформы здравоохранения [Michaels 2003: 5–7 et passim]. Однако тезис Майклс об идентичности советской медицинской политики другим колониальным проектам был воспринят весьма критически как из-за разницы в подходах внутри самой биомедицины, так и из-за непринятых во внимание расхождений между программой и ее воплощениями (см., в частности: [Keller 2004; Kremontsov 2004]).

странстве. Еще до перестройки, несмотря на доминирование научно-ориентированной биомедицины (которая носила догматичный и репрессивный характер, особенно в области психиатрического и наркологического лечения¹), были широко распространены альтернативные подходы, от гомеопатии и остеопатии до самолечения домашними средствами, а сами врачи могли обращаться к «традиционным» терапевтическим методам и советовать их пациентам. С началом 1990-х гг. идеологическая трансформация и социоэкономические реформы привели к капитализации медицины и широкому распространению различных систем лечения. Появление новых информационных технологий и новых медиа еще более усложнило картину. За внимание современного пациента конкурируют несколько медицинских систем, различные институты и субсистемы медицинского знания приспосабливаются к устремлениям, воззрениям и габитусу тех или иных социальных групп. Все эти процессы влияют на структурирование медицинской сферы, на ценностную и экономическую иерархию теорий, течений и подходов, на статус и символическое осмысление диагнозов и т.д. Можно сказать, что медицина функционирует как один из культурных языков или как одна из культурных систем, и исследование того, как медицинское знание работает в обществе, дает еще одну возможность проникнуть в социальную логику в тот или иной исторический период.

* * *

В апреле 2017 г. на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге прошел colloquium, посвященный специфике функционирования медицинского знания в советской и постсоветской России. Colloquium стал первым для факультета мероприятием в области медицинской антропологии и обозначил собой институциональное оформление особого направления исследований. Задумывая colloquium, мы, с одной стороны, хотели узнать, какие медико-антропологические проблемы интересуют наших коллег в России. С другой стороны, мы предполагали приблизиться к пониманию того, как формируется доверие к тем или иным источникам медицинского знания, как происходит выбор между ними, кем и как производится и потребляется медицинское знание в современной России. Тематика colloquium и фокусы для рассмотрения были намеренно сформулированы максимально широко: потенциальные темы докладов ограничивались лишь периодом и регио-

¹ Впрочем, как показывают исследования и личные свидетельства людей, живших в советский период, репрессивность была в той или иной мере свойственна всем медицинским сферам, от гинекологии и репродуктивной медицины до детской стоматологии.

ном. Мы предлагали обсудить такие сюжеты, как взаимодействие официального и неофициального знания в (пост)-советской медицине; представления о теле, болезни и здоровье; представления о действенности лечения, практики «залечивания», самолечения или отказа от лечения; конкуренцию и диффузию медицинской системы; «старые» и «новые» гигиенические практики в свете представлений о заразе и заразности; «новые болезни» и практики их диагностирования.

В результате мы получили около 25 заявок — количество, которое, видимо, в какой-то мере отражает степень популярности медико-антропологической проблематики у российских исследователей. Часть отобранных заявок сгруппировались вокруг следующих, также вполне показательных фокусов: исследования дискурсов в отношении ВИЧ / СПИДа на позднесоветском и современном материале, исследования репродуктивной медицины и родительства, социально-антропологические исследования инвалидности. Остальные доклады были посвящены изучению боли, стратегиям российских гомеопатов, роли РПЦ в заботе о здоровье и «фольклорным» болезням.

Можно заметить, что по большей части выбранные исследователями проблемы связаны с наиболее напряженными общественными дискуссиями¹. Гендерное (не)равенство и его связь с опытом родительства, особенности советского и постсоветского родовспоможения, официальный статус и легитимность гомеопатии, социальное исключение людей с инвалидностью, стигматизация людей с ВИЧ, доступность обезболивания для онкологических больных — эти и другие темы регулярно становятся предметом споров и обсуждений в СМИ и публичном пространстве. Откликаясь на «горячие» проблемы, российская и западная антропология, социология и социальная история медицины следуют логике формирования и развития дисциплины, обладающей, как уже говорилось выше, выраженным прикладным значением. Тем не менее, в отличие от западных (в первую очередь американской) научных традиций, в России связь антропологических исследований с социальной политикой все еще остается достаточно эфемерной, в основном интерес к работам антропологов и социологов проявляют некоммерческие организации, пациентские объединения, сообщества волонтеров, активистов и родителей (например, детей с инвалидностью).

¹ Эта особенность свойственна и западным исследованиям, посвященным России и другим постсоветским странам. Таковы, например, современные работы по советской и российской здравоохранительной и репродуктивной политике [Rivkin-Fish 2005; Bazylevych 2009], социальной истории эпидемий и катастроф [Petruca 2002], российской, советской и постсоветской психиатрии и наркологии [Raikhel 2016; Matza 2018], инвалидности в российском и других постсоветских контекстах [Phillips 2009; Rasell, Iarskaia-Smirnova 2014].

Кажется, современная российская медицинская антропология пока что не представляет собой единого научного пространства, в рамках которого ученые говорили бы на одном языке. Существуют отдельные школы, центры и направления со своей спецификой, например саратовская школа, тяготеющая в большей степени к социологической оптике и методологии (Д.В. Михель, Е.Р. Ярская-Смирнова) или Центр медицинской антропологии ИЭА РАН (В.И. Харитонова, А.А. Ожиганова), изучающий этномедицину, а также биоэтику и прикладные аспекты медицинской антропологии. В русле традиций советской этнографии в нынешней российской науке продолжает развиваться изучение фолк-медицины, целительства и шаманизма. Отдельная социологическая школа исследований здравоохранения сложилась вокруг программы ЕУСПб «Гендерные исследования», где преобладает проблематика репродуктивного здоровья, а также старения и ухода за пожилыми людьми.

Предлагаемая читателю подборка состоит из четырех статей, анализирующих актуальное состояние тех или иных аспектов медицины и здравоохранения в российском обществе. В статье Анны Алтуховой рассматриваются медико-антропологические аспекты современных социальных процессов, затрагивающих феномен интеллектуальной инвалидности, — деинституционализации и перехода к сопровождаемому проживанию как альтернативы помещению в закрытые психоневрологические учреждения. Работа сфокусирована на интерпретациях причин «временных» недомоганий (вроде насморка или кишечного расстройства), которыми болеют люди с интеллектуальной инвалидностью. Как показывает автор, состояние здоровья подопечного проекта сопровождаемого проживания и причины этого состояния окружающие (прежде всего социальные работники) интерпретируют, во-первых, с отсылкой к его «основному» диагнозу, а во-вторых, в контексте его специфического прошлого в специальном учреждении. Модели, объясняющие причины болезни и определяющие способы их лечения, культурно специфичны и исторически конкретны: в случае интеллектуальной инвалидности за моделью, объясняющей соматическое состояние человека, просвечивает идеология, привязанная к определенной институциональной рамке.

В статье Анны Авдеевой рассматривается сравнительно недавняя тенденция (постепенно набирающая популярность среди российских родителей) отказываться от обращения к официальной медицине для профилактики и лечения детских болезней. Среди причин такого отказа можно выделить, с одной стороны, сформировавшееся недоверие к официальной медицине, а с другой — обращение к альтернативным, холистическим моделям телесности, характерным для западных медицин-

ских систем и идеологий вроде нью-эйдж. Авдеева рассматривает характерные для современной России особенности демедиализации и приватизации заботы о репродуктивном здоровье и детстве и анализирует идеологию и практики современного так называемого «естественного родительства». Ее статья отвечает на вопросы о том, в каких контекстах родители предпочитают обращаться к альтернативным способам заботы о здоровье — гомеопатии, остеопатии, отказу от прививок, домашним родам, в каких остаются верными биомедицине, как они объясняют и как сочетают эти практики, а также показывает, как и почему формируется недоверие к официальной медицине. Попутно Авдеева реконструирует представления родителей о теле, иммунитете, сравнительной опасности тех или иных болезней, травм и манипуляций с организмом.

Анастасия Новкунская и Анна Темкина рассматривают медиализированные больничные роды — в их бюджетном варианте, расходы на который покрывает система обязательного медицинского страхования (ОМС), и в индивидуализированном платном варианте, который выбирают более привилегированные обеспеченные жительницы крупных российских городов. Новкунская демонстрирует, как в формально однородном и упорядоченном по единообразным государственным правилам секторе бесплатных родов возникает вариативность норм и практик, связанная с ценностями и ориентациями персонала и рожениц, профессиональной социализацией врачей и степенью автономии акушерок и пациенток. Одним полюсом на шкале вариаций оказывается «консервативный» переговорный порядок, другим — «эгалитарный». В свою очередь, статья Темкиной анализирует устройство автономии тех пациенток, которые подходят к родам как к консьюмеристскому или исследовательскому проекту и инвестируют свои ресурсы — экономические, символические и информационные — в поиск институции и врача, которым можно «доверять». Сделанный в результате выбор укрепляет иерархические отношения врача и пациентки, в том числе потому, что последняя ищет не эгалитарного взаимодействия, а подкрепления своего статуса «хорошей матери».

Библиография

- Ackerknecht E.H.* Problems of Primitive Medicine // Bulletin of the History of Medicine. 1942. Vol. 11. No. 5. P. 503–521.
- Ackerknecht E.H.* On the Collecting of Data Concerning Primitive Medicine // American Anthropologist. 1945. Vol. 47. No. 3. P. 427–432.
- Ackerknecht E.H.* Natural Diseases and Rational Treatment on Primitive Medicine // Bulletin of the History of Medicine. 1946. Vol. 19. No. 5. P. 467–497.

- Bazylevych M.* Who Is Responsible for Our Health? Changing Concepts of State and the Individual in Post-Soviet Ukraine // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27. No. 1. P. 65–75.
- Caudill W.* Applied Anthropology in Medicine // Kroeber A.L. (ed.). *Anthropology Today*. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 771–806.
- Foster G.M., Anderson B.G.* *Medical Anthropology*. N.Y.: John Wiley & Sons, 1978. 354 p.
- Keller Sh.* [A Review of] Michaels P.A. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia // *The American Historical Review*. 2004. Vol. 109. No. 2. P. 650.
- Kleinman A.* Concepts and a Model for the Comparison of Medical Systems as Cultural Systems // *Social Science and Medicine*. Part B: Medical Anthropology. 1978. Vol. 12. P. 85–93.
- Krementsov N.* [A Review of] Michaels P.A. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003 // *Bulletin of the History of Medicine*. 2004. Vol. 78. No. 3. P. 738–740.
- Matza T.A.* *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia*. Durham, NC: Duke University Press, 2018. 328 p.
- Michaels P.A.* *Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2003. 239 p.
- Petryna A.* *Life Exposed: Biological Citizens after Chernobyl*. Princeton: Princeton University Press, 2002. 304 p.
- Phillips S.D.* "There Are No Invalids in the USSR!" A Missing Soviet Chapter in the New Disability History // *Disability Studies Quarterly*. 2009. Vol. 29. No. 3. <<http://dsq-sds.org/article/view/936/1111>>.
- Phillips S.D.* *Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2011. 318 p.
- Raikhel E.* *Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016. 248 p.
- Rasell M., Iarskaia-Smirnova E.* (eds.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life*. Abingdon, Oxon: Routledge, 2014. 274 p.
- Rivkin-Fish M.R.* *Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005. 253 p.
- Roney J.* *Medical Anthropology: A Synthetic Discipline* // *The New Physician*. 1959. Vol. 8. No. 1. P. 32–33.
- Sigerist H.E.* *A History of Medicine*. N.Y.: Oxford University Press, 1951. Vol. 1: Primitive and Archaic Medicine. 564 p.
- Sobo E.J.* *Medical Anthropology in Disciplinary Context: Definitional Struggles and Key Debates (or Answering the Cri du Coeur)* // Singer M., Erickson P.I. (eds.). *A Companion to Medical Anthropology*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2011. P. 9–28.

Medicine as a Cultural System? (Introduction to the Collection of Papers Presented at the Colloquium “Social Studies of Medicine in Post-Soviet Russia”)

Anna Klepikova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
aklepikova@eu.spb.ru

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

The introduction opens the thematic collection of papers on medicine and society in post-Soviet Russia and traces Russian situation of social studies of medicine. While Western medical anthropology is an established field of scholarship with a long history and an array of “classical” problems, in Russia it remains a comparatively new discipline, which could be explained by the positivist orientation of Soviet ethnography and the ideological basis of Soviet social policy.

Being embedded in state health management, it is biomedicine that serves the main framework for interpretation of problems of health and illness in post-industrial societies. However, it coexists, sometimes symbiotically, with other medical systems and practices. Post-Soviet situation is no exclusion: scholars stress intricate interaction and diffusion of biomedicine, ethnomedicine and CAM (complementary and alternative medicine) in post-Soviet countries. The present collection can vividly illustrate this argument through analysis of disability, reproduction and parenting. It manifests once and again how medicine works as another cultural system or another cultural language of society; we can hope to pierce the social logic of some historical period by exploring it.

Keywords: medical anthropology, social studies of medicine, biomedicine, ethnomedicine, CAM, post-Soviet studies, Russian studies, medical systems.

References

- Ackerknecht E. H., ‘Problems of Primitive Medicine’, *Bulletin of the History of Medicine*, 1942, vol. 11, no. 5, pp. 503–521.
- Ackerknecht E. H., ‘On the Collecting of Data Concerning Primitive Medicine’, *American Anthropologist*, 1945, vol. 47, no. 3, pp. 427–432.

- Ackerknecht E. H., 'Natural Diseases and Rational Treatment on Primitive Medicine', *Bulletin of the History of Medicine*, 1946, vol. 19, no. 5, pp. 467–497.
- Bazylevych M., 'Who Is Responsible for Our Health? Changing Concepts of State and the Individual in Post-Soviet Ukraine', *Anthropology of East Europe Review*, 2009, vol. 27, no. 1, pp. 65–75.
- Caudill W., 'Applied Anthropology in Medicine', Kroeber A. L. (ed.), *Anthropology Today*. Chicago: University of Chicago Press, 1953, pp. 771–806.
- Foster G. M., Anderson B. G., *Medical Anthropology*. New York: John Wiley & Sons, 1978, 354 pp.
- Keller Sh., '[A Review of] Michaels P. A., Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia', *The American Historical Review*, 2004, vol. 109, no. 2, pp. 650.
- Kleinman A., 'Concepts and a Model for the Comparison of Medical Systems as Cultural Systems', *Social Science and Medicine*, part B: *Medical Anthropology*, 1978, vol. 12, pp. 85–93.
- Krementsov N., '[A Review of] Michaels P. A., Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003', *Bulletin of the History of Medicine*, 2004, vol. 78, no. 3, pp. 738–740.
- Matza T. A., *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Post-socialist Russia*. Durham, NC: Duke University Press, 2018, 328 pp.
- Michaels P. A., *Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2003, 239 pp.
- Petryna A., *Life Exposed: Biological Citizens after Chernobyl*. Princeton: Princeton University Press, 2002, 304 pp.
- Phillips S. D., "'There Are No Invalids in the USSR!' A Missing Soviet Chapter in the New Disability History", *Disability Studies Quarterly*, 2009, vol. 29, no. 3. <<http://dsq-sds.org/article/view/936/1111>>.
- Phillips S. D., *Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2011, 318 pp.
- Raikhel E., *Governing Habits: Treating Alcoholism in the Post-Soviet Clinic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016, 248 pp.
- Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. (eds.), *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life*. Abingdon, Oxon: Routledge, 2014, 274 pp.
- Rivkin-Fish M. R., *Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005, 253 pp.
- Roney J., 'Medical Anthropology: A Synthetic Discipline', *The New Physician*, 1959, vol. 8, no. 1, pp. 32–33.
- Sigerist H. E., *A History of Medicine*. New York: Oxford University Press, 1951. Vol. 1: *Primitive and Archaic Medicine*, 564 pp.
- Sobo E. J., 'Medical Anthropology in Disciplinary Context: Definitional Struggles and Key Debates (or Answering the Cri du Coeur)', Singer M., Erickson P. I. (eds.), *A Companion to Medical Anthropology*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2011, pp. 9–28.